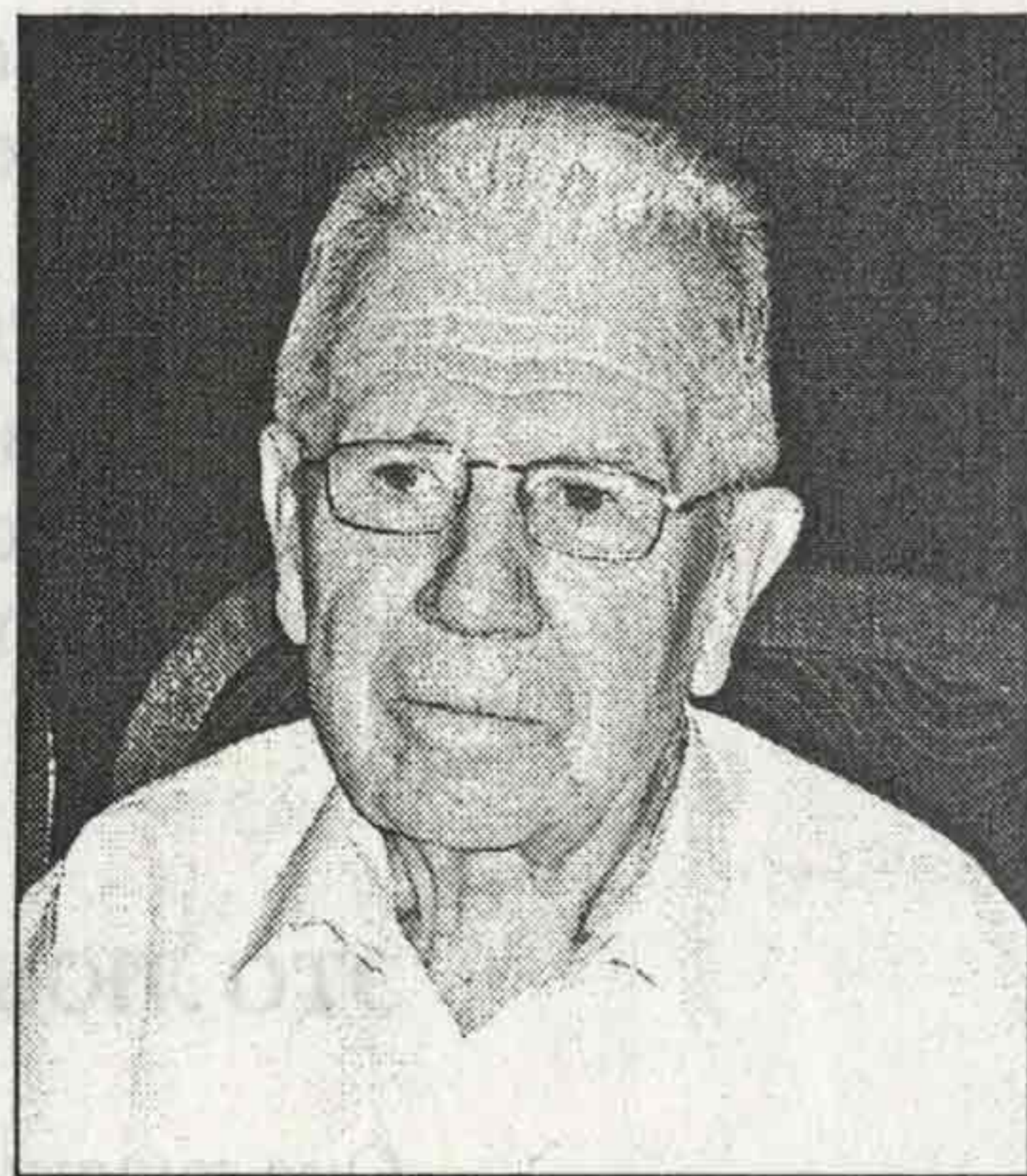

Олег Маслов

Олег Константинович Маслов родился в 1932 году в Благовещенске. Окончил Хабаровский медицинский институт. Кандидат медицинских наук, основатель современной анестезиологической службы в Амурской области. Поэт, прозаик, театральный критик. Автор пятнадцати книг стихотворений и рассказов. Заслуженный работник культуры России. Лауреат Амурской премии в области литературы и искусства за книгу стихотворений «Мой век». Почётный гражданин города Благовещенска. Член Союза писателей России.

Олег Маслов по праву относится к «долгожителям» альманаха «Приамурье», в котором впервые напечатался ещё в 60-х годах минувшего века. С той поры много воды утекло. С 2005 года Олег Константинович живёт в Израиле. Пишет стихи, рассказы и воспоминания, публикуется в местных альманахах, выпускает свои книги. При этом не порывает связей с родной землёй, постоянно присылает письма, звонит друзьям. Дважды приезжал в Благовещенск.

Для нового номера альманаха по нашей просьбе он прислал несколько коротких рассказов, согретых улыбкой памяти. Конечно, ностальгия тут ни при чём. Скорее всего, это верность молодости, живущей в душе поэта.

Рассказы

Потерянный муж

Истину о том, как нужно бывает иногда, наводя справки о человеке, называть его полностью (назвал фамилию, назови и имя-отчество, мало ли однофамильцев на свете), я усвоил давно, выслушав рассказ своей знакомой Е. Ф. о необычайной истории, случившейся с ней в пору её молодости.

Случилось то, что должно случаться с молодыми женщинами: доносив беременность до срока, она на «Скорой» прибыла в родильный дом и в тот же вечер благополучно родила дочку. С утра следующего дня ей, естественно, не терпелось разделить свою радость с мужем, но он так и не пришёл. Не было его ни на второй, ни на третий день. И только на четвёртый появился он под окном роддома, передал фрукты и какую-то невразумительную записку. Все последующие дни приходил регулярно, даже два раза в день, при выписке встретил с цветами, увёз домой на машине. И тут она ему учинила допрос:

— Где был первые три дня? Говори!

Он мямлил что-то несуразное, сбивался, молчал. И когда жена дошла до истерики, муж решился рассказать всю правду.

А правда была такова.

В ту же ночь, когда Е. Ф. родила дочку, в роддом поступила её однофамилица и умерла от кровотечения в родах. Большого ЧП в роддоме не бывает. Утром все на взводе, фамилия умершей витает в воздухе (а о том, что и Е. Ф. носит такую же, разумеется, забыли напрочь). И в это время появляется муж

нашей родильницы и интересуется, как и что с его женой. Медсестра в приёмной спрашивает, как её фамилия, а получив ответ, просит его подождать и куда-то скрывается. Через несколько минут приходят два солидных врача, ведут его в кабинет главного, усаживают поглубже в кресло и, ещё раз уточнив фамилию, объявляют: ваша жена умерла.

Вышел он из роддома и отправился на почту телеграфировать всей родне о случившемся. В те времена похоронной службы в городе не было, поэтому сам с помощью соседей и друзей стал готовиться к похоронам. На третий день с гробом приехал в морг, предъявил паспорт жены, назвал фамилию. На него посмотрели с недоумением и сказали, что труп женщины из роддома с такой фамилией забрали два часа назад.

— Как забрали? Кто забрал?

— Родственники.

— Какие родственники?!

И вот тогда впервые сверили все данные и выяснили, что произошла досадная ошибка.

Ошарашенный муж примчался в роддом: «Как моя жена?» Молоденькая медсестра раскрыла толстую тетрадь, нашла названную фамилию с указанным именем-отчеством и, поздравительно улыбаясь, сообщила, что она три дня назад родила здоровую девочку весом 3600. Мать и ребёнок чувствуют себя хорошо.

Прозвучал радостный отбой. Начались проводы приехавших родственников с уговором ничего не говорить Е. Ф. о случившемся.

О том, что было потом, вам известно.

Райкин помог

Случилось так, что в четырнадцать лет я попал под поезд и лишился части ноги. Стал ходить на протезе. Ходил неплохо, даже пробовал танцевать. И всё-таки протезы, изготавливаемые в Хабаровске, были не так хороши, как хотелось. И вот во второй половине 50-х, когда я окончил институт и начал «становиться на ноги», кто-то мне сказал, что самые лучшие протезы в стране делают в Ленинграде, и я загорелся желанием заполучить этот самый лучший.

Когда пришёл срок замены, я обратился в местный собес с просьбой направить меня в Ленинград, на что мне ответили, что таких законных прав у них нет, это другой регион и там много своих пациентов. Можно снабдить меня просительным письмом, но оно не будет иметь никакой правовой силы и поездка моя может оказаться зряшной.

И всё-таки я рискнул, поднапрягся из последних сил на ночных дежурствах в больнице, поработал по совместительству на «Скорой», взял обещанное письмо и прилетел в Ленинград. В приёмной директора протезного предприятия секретарша сказала, что директор сейчас занят, у него посетители, и попросила подождать. Я сел в сторонке и стал про себя проговаривать монолог,

который должен был убедить директора выполнить мою просьбу. Ожидание длилось около получаса. Но вот дверь кабинета отворилась, и... я не поверил своим глазам. Оттуда с громким смехом вывалилась компания из трёх человек: впереди шёл, продолжая что-то рассказывать, Аркадий Райкин, вслед за ним — ещё кто-то, и завершал шествие хозяин дома. Проводив гостей за пределы приёмной, директор быстрым шагом прошёл к себе. Вслед за ним зашла секретарша и, вернувшись, сказала: «Пройдите».

Когда я подошёл к начальственному столу, сидевший за ним в кресле человек продолжал ещё мысленное общение со своим знаменитым гостем — лицо его являло редкое добродушие, взгляд был рассеян, губы едва сдерживали улыбку. Усилием воли он на минуту переключился на меня, жестом руки пригласил сесть, молча взял протянутое ему письмо, вник в его суть, быстро написал в верхнем левом углу «разрешаю» и вернул его мне. Я опешил, а он, заметив, что я продолжаю сидеть, вопросительно уставился на меня. Едва успел я сбивчиво сказать несколько слов о том, что я приезжий, как он тотчас взял письмо и дописал «вне очереди».

Мечта моя сбылась. Домой я вернулся с новым протезом, который давно износился, а память о посещении ленинградского протезного предприятия осталась навсегда. Не знаю, зачем в тот день пришёл туда Райкин, — может быть, просил изготовить сценические маски для своего театра миниатюр. Но после общения с ним директор этого предприятия был настроен только на добрые дела. Возможно, он и без Райкина осчастливил бы меня своим доброхотством. Возможно. Но в присутствии великого артиста, даже мысленном, — иного быть просто не могло.

Фруктовый суп

Никогда больше — ни до, ни после — не видел я, чтобы руководитель так от души смеялся, читая «Книгу жалоб и предложений» своего учреждения. А причина столь странного поведения в тот единственный раз была такова.

Летом 1956 года в Благовещенске на улице Кузнечной открылась новая областная больница. Её первый главный врач, Марина Васильевна Кошелева, энтузиаст по натуре, в числе множества новаций ввела в больничный штат должность диетврача (во всех больницах области — диетсёстры, а у нас — диетврач!). Причём стал им не какой-то случайный диетолог, а опытный специалист, седовласый ветеран, работавший прежде в этом качестве на одном из курортов Крыма.

Вступив в должность, маэстро тоже решил удивить нас своим новшеством. Просматривая меню на завтра, Марина Васильевна обнаружила, что для терапевтического отделения на первое значится фруктовый суп. Позвала она автора этого прожекта и стала его убеждать заменить блюдо. Осторожно напомнила ему, что Дальний Восток не Крым и фрукты здесь в любом виде являются деликатесом, а не повседневной едой. К тому же больница наша не

городская, а областная, где лечатся преимущественно сельчане, колхозники, которые привыкли к борщам и рассольникам и вряд ли оценят по достоинству такую замену. Но он упёрся, встал в позу обиженного и горячо, срывающимся от волнения голосом начал отстаивать правомерность своего выбора.

И тогда главврач, щадя седины своего новатора, махнула рукой: ладно, фруктовый так фруктовый. А через день принесли ей эту «жалобную книгу», раскрыв которую, она прочитала:

«Работники пищеблока плохо моют котлы после компота, и в супе попадают сухофрукты. Группа больных».

Ценитель талантов

Как-то в начале 60-х мой друг, актёр Лев Круглый, привёл меня в кафе «Артистическое», что находится в центре столицы на улице прежней Горького, ныне Тверской. Посещать его могли только члены ВТО (Всероссийского театрального общества) и лично ими приглашённые лица.

Прежде чем войти туда, мы прошли сквозь строй юных москвичек, стоящих весь вечер у входа в надежде увидеть воочию своих киношных кумиров. Потом, предъявив членский билет ВТО, мы уселись за отдельный двухместный столик, заказали что-то выпить и закусить и за неторопливой беседой стали вживаться в атмосферу артистической богемы.

Зал быстро наполнялся молодыми актёрами, среди которых было несколько знакомых по киноэкрану лиц. Одновременно возрастал и общий гул, так как после принятия первых рюмок собеседники начинали общаться в полный голос, вызволяя наружу всё самое сокровенное, что таилось в душе каждого. Всё чаще слышалось: «Ты понимаешь, меня же знают... меня ведь любят...» Нам, чтобы быть услышанными, приходилось наклоняться друг к другу.

Однако за пару часов, проведённых там, ничего более примечательного не случилось. И только на выходе в гардеробной довелось нам стать зрителями житейской сцены, памятной до сих пор.

В кафе служил швейцар, седоусый, в ливрее с лампасами и форменной фуражке. Служил он там с незапамятных времен. Все народные и заслуженные, посещавшие кафе, общаясь с ним, называли его по имени-отчеству и здоровались рукопожатием. Глядя на мэтров, и молодёжь артистическая относилась к нему с почтением.

Так вот, выйдя из зала, мы увидели такое: почтенный старец стоит посреди прихожей и строго отчитывает двух молодых актёров, а те, понутив головы, молча слушают. Но вот во время паузы один из них отважился и спросил:

— Так что мы такого сделали? За что вы нас ругаете?

И тогда ливрейный генерал уставился на него в упор и произнёс, как отрубил:

— Шумите не по таланту!

Провинившиеся не стали возражать, извинились и ушли.

Шутник поневоле

В эпоху сталинизма любое непочтение к вождю — будь то газетный лист с его портретом, обнаруженный в уборной, произнесённое вслух неуважительное слово или даже нечаянная двусмыслица — приравнивалось чуть ли не к покушению на его жизнь и жестоко каралось. Контроль за лояльностью к личности «отца народов» был бдителен и вездесущ. И только самым «твердокаменным», чья верность линии партии и личная преданность диктатору многократно превышали их интеллект, иногда сходило с рук то, что другим могло стоить жизни.

В пору моего студенчества секретарём парткома нашего института был Н. Н., старый большевик, человек недалёкий и незлобный, но чётко знающий и честно исполняющий возложенную на него миссию. Главная его забота по нашей части сводилась к тому, чтобы на студенческих вечерах парни не устраивали пьяных дебошей, а незамужние студентки не ходили по институту беременные. И вот он-то иногда в пылу самых верноподданнических побуждений выдавал такое, что повергало нас в лёгкий шок и становилось притчей во языцех.

На майские и ноябрьские демонстрации мы ходили институтской колонной, высоко неся знамя, праздничные плакаты, лозунги и портреты вождей. Пройдя мимо трибуны и прокричав своё «ура!», колонна распадалась, и многие нерадивые плакато- и портретоносцы оставляли свои святыни где попало и расходились кто куда. А к следующему празднику институту приходилось приобретать новые. Так вот, чтобы покончить с этой бесхозяйственностью, однажды перед очередной демонстрацией все праздничные атрибуты были выданы каждому под расписку. А когда в институтском дворе выстроилась колонна, Н. Н. произнёс речь:

— Товарищи, все, кто взял портреты Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, чтобы после демонстрации принесли их в институт. Кто не принесёт, будет платить по барахолочной цене!

В понимании парторга это была самая высокая цена.

И ещё одна его невольная шутка.

5 марта 1953 года. Умер Сталин. В стране всенародный траур. Все государственные предприятия, учреждения, учебные заведения вывесили приспущенные флаги с чёрным крепом. Наш институт — в самом центре города, напротив крайкома партии, а флага до сих пор нет.

Наш парторг, видимо, только что получив хороший втык, разъярённый влетает в комитет комсомола:

— Где флаг?! Почему нет флага?!

— Флаг вот он. Нет чёрного материала, побежали за ним.

— Вы что, заранее не могли приготовить?!

Слава богу, всё обошлось без последствий. И для него, и для нас.